

ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА — АДЕКВАТНУЮ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВУЮ ОСНОВУ

К формированию многосторонней международно-правовой основы сотрудничества и взаимодействия государств в предотвращении и пресечении терроризма международное сообщество приступило еще в 30-е годы прошлого столетия, когда после известного марсельского убийства югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту Совет Лиги Наций в декабре 1934 г. принял резолюцию, постулировавшую, что “на всех государствах лежит обязанность не поощрять и не терпеть на своей территории никакой террористической деятельности, преследующей политические цели”. В резолюции далее подчеркивалось, что “каждое государство не должно ничем пренебрегать в деле предупреждения и репрессии террористических актов и оказания в этих целях помощи тем правительствам, которые за ней обратятся”.

Во исполнение этой резолюции в рамках Совета Лиги Наций в 1937 г. была выработана Конвенция о предупреждении и наказании терроризма, которую подписали почти половина государств, составлявших международное сообщество того времени, а также Конвенция о создании Международного уголовного суда, собравшая подписей поменьше.

Ни одна из этих конвенций, однако, не вступила в силу, хотя потребность в реализации предусмотренных в них обязательств была очевидна: известно, например, что в предвоенной гитлеровской Германии, как об этом свидетельствовал ее посол в Париже Кестлер, одно время рассматривалась возможность обойтись без войны с помощью шести рассчитанных политических убийств”.

Террористическая составляющая подготовки и осуществления актов агрессии фашистских государств в ходе Второй мировой войны получила в Уставе и Приговоре Международного нюрнбергского военного трибунала международно-правовую квалификацию в качестве одного из преступлений против мира и безопасности человечества, что нашло широкое признание и должный потенциал универсализации в проектах кодекса таких преступлений, подготовленных Комиссией международного права ООН, один из которых был представлен Генеральной Ассамблее в 1954 г., а последующий после того, как ассамблея, завершив работу над определением агрессии, вернулась к вопросу о Кодексе, — в 1991 г.

В проекте 1954 г. к числу преступлений против мира и безопасности человечества, т.е. одного из тягчайших и наиболее опасных преступлений, отнесено “ведение или поощрение властями какого-либо государства террористической деятельности в другом государстве или допущение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористических актов в другом государстве”. В проекте 1991 г. состав преступления терроризма определяется через характеристику деяний его субъекта. В качестве субъекта преступления “международный террорист” рассматривается как “любое лицо, которое как агент или представитель государства совершает или отдает приказ о совершении любого из следующего: совершение, организация, содействие осуществлению, финансирование или поощрение актов против другого государства или попустительство совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют целью вызвать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом, в случае признания его виновным”

Однако, Генеральная Ассамблея, на рассмотрении которой вопрос о Кодексе продолжает находиться вот уже десяток лет, — это не только орган, который по

Уставу ООН уполномочен делать рекомендации в целях "поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации", но и, если реалистически смотреть на ее состав, это и форум, где находятся политические силы, препятствующие этому процессу и, в частности, завершению работы над Кодексом преступлений против мира и безопасности человечества.

Наблюдаемая в течение не одного десятилетия явно затянувшаяся, а главное, затягиваемая этими силами, в том числе псевдоимпериалистическими кругами, работа ООН не только над Кодексом, но и вообще над подготовкой антитеррористических международных норм, генерирует атмосферу, объективно благоприятствующую развертыванию террористической деятельности экстремистских сил, охватившей почти все районы мира. Дело дошло до того, что в начале 80-х годов политические аналитики утверждали, что международный терроризм является формой "мини-войны в международном масштабе", а некоторые даже считали, что третья мировая война, которую все представляли себе как ядерный апокалипсис, уже ведется в форме терроризма, охватившего весь мир".

Все это, конечно, не значит, что ООН и связанные с ней организации, такие как ИКАО, Международная морская организация оставляли без ответа нарастающий террористический вызов. Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности ООН приняли немало решений, осуждающих международный терроризм. Более того, по линии ООН и названных специализированных учреждений стали выработываться одна за другой различные международные соглашения, направленные на предотвращение и пресечение терроризма в предусмотренных в них сферах и формах, а равно и на борьбу с конкретными способами совершения террористических посягательств.

Хронологически первыми появились международные соглашения, предусматривающие защиту от террористических посягательств гражданских воздушных сообщений и тех, кто ими пользуется: Конвенция о правонарушениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушного судна (1963 г., Токио); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г., Гаага); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г., Монреаль). Позднее этот перечень пополнился Протоколом о пресечении незаконных актов насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 г., Монреаль).

Борьба с терроризмом на море посвящены Конвенция о пресечении незаконных актов против безопасности морских сообщений и Протокол о пресечении незаконных актов против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г., Рим).

К категории конвенций, предусматривающих те или иные жертвы террористических посягательств, следует отнести выработанные ООН Конвенцию о предупреждении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов (1973 г., Нью-Йорк); Конвенцию о борьбе с захватом заложников (1979 г., Нью-Йорк); Международную конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (1989 г., Нью-Йорк); Конвенцию о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (1994 г., Нью-Йорк); следует иметь в виду, что действия, предусмотренные конвенцией о наемниках, Генеральная Ассамблея охарактеризовала как "составную часть международного терроризма".

Обозначилась и категория антитеррористических конвенций, направленных на пресечение террористических посягательств, совершаемых с применением специфических средств: Конвенция о маркировании пластических взрывчатых веществ для целей их идентификации (1991 г., Нью-Йорк); Международная конвенция о пресечении бомбового терроризма (1998 г., Нью-Йорк).

“Отдельной строкой” необходимо указать на Конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999 г., Нью-Йорк).

Если оценивать в совокупности, в целом все это многообразие и немалую бессистемность в многостороннем конвенционном регулировании борьбы с терроризмом, то нельзя не видеть, что в складывающемся таким образом процессе формирования ее международно-правовой основы превалирует подход, основанный, во-первых, на реагировании на те или иные уже выявившиеся проявления террористических посягательств, во-вторых, на том, что принято называть *piecemeal approach* (постепенный подход — англ.), и что в международных кругах не рассматривается как эффективный способ решения какой-либо проблемы. К тому же все это, в конечном счете, объективно играет роль известного ориентира террористическим кругам в отношении того, на что имеются конвенционные запреты, а на что — нет.

Отнюдь не случайно не кто иной, как Председатель Объединенной группы начальников штабов США Г. Шелтон, выступая в 1999 г. на слушаниях в Конгрессе, в ходе которых затрагивалась военная стратегия “*Shape Respond Prepare Now*” (“способ ответа готовь сейчас” — англ.), и отмечая, что “современные вызовы и угрозы по своей природе диверсифицированы, рассредоточены и непредсказуемы”, не без основания говорил, что угроза международного терроризма является “усложненной, глобальной и в высшей степени опасной”. Министр иностранных дел России И.С. Иванов, выступая на 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1999 г., отнес терроризм к числу угроз и вызовов, которые “не имеют границ”. “Это общий вызов, приносящий неисчислимым жертвы и разрушения в различных точках планеты”. В специально сделанном в это же время Заявлении министров иностранных дел пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН по вопросу о борьбе с международным терроризмом подчеркнуто, что они считают “жизненно необходимым усиление международного сотрудничества под эгидой Организации Объединенных Наций в целях борьбы с терроризмом во всех его проявлениях”. Среди мер, которые всем государствам следует предпринять в контексте такого сотрудничества, указаны шаги по “обеспечению соблюдения международных антитеррористических конвенций по продолжению работы по усилению международно-правового режима борьбы с терроризмом”.

Таковы реалистические характеристики и оценки нарастающей масштабности и усиливающейся опасности для человека и человечества проявлений терроризма в условиях, когда они подпитываются разрозненностью конкретных мер их предотвращения и пресечения, отсутствием единого политико-правового общего знаменателя для их искоренения, единой правовой основы интенсификации и консолидации усилий на этом направлении.

Возвращаясь к конкретике расчлененности этой основы, необходимо обратить внимание также на следующее.

Отечественный специалист по международно-правовым вопросам борьбы с терроризмом профессор Е.Г. Ляхов в своей работе “Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом” приводит обоснованные суждения Д. Киотану, одного из участников полемики, развернувшейся еще четверть века назад на страницах “Американского журнала международного права” по поводу того, нужна ли единая конвенция по борьбе с международным терроризмом или можно и впредь идти по пути разработки отдельных конвенций по частным вопросам этой борьбы. Д. Киотану пишет: “Постепенный подход к предупреждению и наказанию международного терроризма не дает возможности для полного искоренения последнего из жизни наций, а скорее способствует его продолжению посредством безоговорочного гарантирования юридической защиты тем, кто собственными уголовными актами поставил себя вне сообщества

наций...” Полемизируя далее с одним из своих коллег, он задается вопросом: “... Не являются ли частичные меры, которые предпринимались или предпринимаются, существенной дезориентацией людей, верящих, что правительства серьезно борются с международным терроризмом, в то время как они достигли на деле единогласия лишь в том, что по меньшей мере в настоящее время некоторые важные формы терроризма могут быть или должны быть поставлены вне области международных урегулирований. Неизбежным последствием должно быть то, что предупреждение и наказание этих форм терроризма будет решаться на основе политической целесообразности...”

Надо сказать, что нарастание и диверсификация террористической деятельности стали побуждать Генеральную Ассамблею и Совет Безопасности ООН обращаться в своих решениях к проблеме разработки всеобъемлющего международного акта, направленного на борьбу с терроризмом. В уже упоминавшейся Декларации 1994 г. и основанных на ней более поздних резолюциях Генеральная Ассамблея стимулирует государство к тому, чтобы, как указывается в резолюции 53/108 “Меры по искоренению международного терроризма”, “в неотложном порядке” подвергнуть рассмотрению охват существующих международно-правовых положений о предотвращении, подавлении и искоренении терроризма с целью обеспечения того, чтобы сложились “правовые рамки, охватывающие все аспекты вопроса”. Эту резолюцию Ассамблея одобрила, “принимая во внимание возможность рассмотрения в ближайшем будущем разработки всеобъемлющей конвенции о международном терроризме”. Ассамблея также решила заняться вопросом о созыве в 2000 г. под эгидой ООН конференции высокого уровня с целью выработки “совместного организованного ответа международного сообщества терроризму во всех его формах и проявлениях”.

Как видно из существа и фразеологии этого и других решений Генеральной Ассамблеи, включая принятую на 54 сессии резолюцию 54/110, мандат на разработку единой всеобъемлющей конвенции об искоренении терроризма выглядит как бы вымученным, уклончивым, недостаточно определенным, мало обязывающим к практической работе, дающим возможность затягивать или вообще уходить от ее выполнения.

Демонстрируя в последние годы всплеск антитеррористической активности, Ассамблея, а точнее контролирующее ее большинство, все еще культивирует явно неосновательные опасения, как бы разработка и применение эффективных мер по искоренению международного терроризма не нанесла ущерб национально-освободительной борьбе. В свое время, еще когда международные отношения оставались конфронтационными, тогдашний Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр на одной из своих пресс-конференций в 1987 г. со ссылкой на ООП и СВАПО заметил, что иногда трудно сказать где кончается терроризм и где начинается борьба за самоопределение.

Если, по мнению сторонников упомянутых выше опасений, терроризм должен быть неперменным спутником национально-освободительной борьбы и она от него не может быть дистанцирована, то это только развенчивает саму концепцию правомерности и справедливости такой борьбы и порождает вопрос о том, а не исчерпывает ли Генеральная Ассамблея, внимая такой аргументации, свои и без того ограниченные возможности являться форумом разработки эффективных мер антитеррористического характера. Ведь остается непреложным фактом, что за полстолетие существования ООН, ее Ассамблея, являющаяся организационным воплощением международного сообщества почти 200 государств, так и не смогла хотя бы приступить к разработке единого и всеобъемлющего международного соглашения по вопросу об искоренении терроризма, и нет оснований полагать, что такого рода политико-правовой документ будет когда-либо по

линии Генеральной Ассамблеи ООН выработан. С точки зрения юридико-технической, прецедент создания именно такого единого, консолидирующего соответствующие разрозненные нормы, документа, имеется: в 1960 г. была выработана Единая конвенция о наркотических средствах, преодолевшая множественность и разобщенность договорных урегулирований в отношении искоренения зла, весьма близкого к терроризму. Терроризм и противозаконные действия с наркотиками — это, конечно, не одно и то же. Но у этих явлений есть и то общее, что, казалось бы, должно побуждать востребовать полезный опыт: все чаще и настойчивее выражается обеспокоенность наркотерроризмом, и для борьбы с ним единая конвенция об искоренении всех и всяческих проявлений терроризма была бы хорошим подспорьем.

Но рассчитывать на то, что задача разработки такой конвенции по линии Генеральной Ассамблеи ООН будет выполнена, не приходится. Центр тяжести в достижении этой цели может и должен быть смещен в сторону Совета Безопасности ООН.

В своей недавней антитеррористической резолюции 1269 (1999) Совет поддержал, как указывается в ее преамбуле, усилия “по разработке новых международных актов, направленных на противодействие террористической угрозе”. В предшествующей этому решению резолюции 1267 Совет предусмотрел введение санкций в отношении движения в связи с укрывательством международного террориста Усман бен Ладена и поддержкой террористической деятельности с контролируемой талибами части территории Афганистана. В октябре 1999 г. было принято Заявление Председателя Совета Безопасности, политическим стержнем которого стало решительное осуждение движения талибов за возобновление широкомасштабного вооруженного противоборства в стране, что объективно было на руку международным террористическим кругам.

Эти и другие подобные решения и акции по вопросам борьбы с терроризмом свидетельствуют о том, что Совет Безопасности ООН обладает большим и еще едва задействованным потенциалом в отношении генерирования антитеррористических мер, и в частности формирования единой всеобъемлющей адекватной международно-правовой основы для предотвращения и пресечения терроризма и его эвентуального искоренения и для налаживания с этой целью взаимодействия государств друг с другом и с самим Советом в этой области.

Резолюция Совета Безопасности 1269 (1999) — давно назревшая и важная мера в этом отношении, существенный шаг вперед в противодействии террористической угрозе. И вместе с тем нельзя не видеть и ее слабостей, в том числе, — позволим себе это сказать, — по сравнению с цитированной выше резолюцией Совета Лиги Наций. По степени императивности заложенных в резолюции 1269 положений антитеррористического характера она отстает от того, что воплощено в резолюции Совета Лиги Наций. Типичной для резолюции 1269 является почти лозунговая фразеология, особенно, когда Совет обращается с государствами: “calls upon” (“призывает” — англ.). И эта призывность фигурирует в резолюции тогда, когда в ней речь идет практически о всех конкретных шагах, ожидаемых от государств в отношении борьбы с терроризмом. В этом случае Совет не прибегнул даже к формуле “urge” (“настаивает” — англ.), не говоря уже о “demands” (“требует” — англ.) или к более повелительному языку — ведь по Уставу ООН государства согласились “подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их”.

Однако, резолюция 1259 не является и не должна быть последним словом Совета Безопасности ООН, облеченного членами Организации главной ответственностью за поддержание международного мира и безопасности и действующего при осуществлении этой ответственности, как сказано в Уставе “от их имени”. Все говорит за то, чтобы в рамках своих полномочий Совет взял на себя задачу

более фундаментальную, насущную и масштабную, чем простое реагирование на очередные всплески терроризма, — задачу формирования единой, всеобъемлющей адекватной международно-правовой основы борьбы с терроризмом.

Речь могла бы идти о принятии Советом Акта, который имел бы именно международно-правовой, т.е. обязывающий государства не только политически, но и юридически характер. Таким актом мог бы явиться Кодекс ответственности и взаимодействия государств в области предотвращения и пресечения актов терроризма и их эвентуального искоренения. Кодекс, проект которого публикуется ниже в качестве стержневой, неотъемлемой части настоящей статьи, мог бы быть санкционирован Советом Безопасности ООН путем принятия резолюции Совета.

После решений, принятых Советом Безопасности по вопросам создания международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и принятия Советом статутах этих международных судебных органов, воплощающих комплексы вновь созданных материальных и процессуальных международных норм, после ряда других его решений подобного рода едва ли можно подвергать сомнению уполномоченность Совета на санкционирование международного акта, содержащего именно юридически обязывающие нормы, каким был бы предлагаемый Кодекс ответственности и взаимодействия государств.

Путем санкционирования решением Совета Безопасности такого Кодекса и была бы создана единая всеобъемлющая, адекватная международно-правовая основа для борьбы с терроризмом. Тем самым был бы ликвидирован и немалый пробел в этой области, выражающийся в отсутствии международного механизма, специально предназначенного заниматься вопросами искоренения терроризма. Речь идет об учреждении поста Международного координатора по борьбе с терроризмом. Этот Координатор действовал бы под эгидой Совета Безопасности и был бы ему подотчетен. В его функции входило бы отслеживание ситуации в отношении террористических проявлений в мире и оказание содействия государствам и Совету Безопасности в применении положений Кодекса.

Для обеспечения возможности предпринимать неотложные меры пресечения и подавления наиболее опасных и масштабных террористических посягательств государства, с санкции Совета Безопасности, должны были бы, согласно Кодексу, держать в состоянии немедленной готовности небольшие по численности надлежаче экипированные мобильные вооруженные команды. Такие команды по рекомендации Международного координатора, с санкции Совета Безопасности, могли бы использоваться в районах, которые по тем или иным причинам оказались бы вне эффективного контроля центральных властей государства, и использовались бы террористическими группировками для своих преступных действий. С согласия вовлеченных в террористическую ситуацию государств команда могла бы быть задействована для борьбы с террористическими проявлениями и в других районах заинтересованного государства. В число приоритетных задач Международного Координатора входила бы и разработка стратегии антитерроризма.

В предлагаемый проект Кодекса наряду с положениями, имеющими правовой характер, вмонтирован и немалый политический компонент. Нарращивание и концентрация усилий в области борьбы с терроризмом требует не обособления политического и правового компонентов, а их органического сочетания.

В.А. Романов,
профессор кафедры международного права Российского университета
дружбы народов, Чрезвычайный и Полномочный Посланник

Материалы поступили в редакцию в январе 2000 года.

КОДЕКС ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ АКТОВ ТЕРРОРИЗМА И ИХ ЭВЕНТУАЛЬНОГО ИСКОРЕНЕНИЯ (Основные положения)

I. Адекватно отвечать на глобальный вызов терроризма

1. Настоящий Кодекс является выражением решительной воли к тому, чтобы искоренить терроризм как величайшую опасность для человека и человечества, и далеко идущий вызов государствам и международному сообществу, приобретший не только внутринациональный, но и региональный и глобальный охват.

2. На рубеже веков, когда открываются перспективы выхода на новый уровень цивилизованности, с которым несовместимы олицетворяемые терроризмом рецидивы жестокости и человеконенавистничества, в мире нарастает и утверждается полное и безоговорочное осуждение терроризма, всех его актов, методов, практики, проявлений и форм, где бы, во имя чего бы и кем бы они ни совершались. Искоренение терроризма является велением времени, насущным императивом выживания народов.

3. Способность и угрозы террористических группировок действовать во многих районах мира, а то и глобально, — игнорируя национальные границы, приводит к тому, что ни одно государство не в состоянии ныне в одиночку противостоять террористической опасности и не должно быть оставлено с ней один на один. Отсюда необходимость как интенсификации усилий на национальном уровне, так и налаживание взаимодействия в борьбе с терроризмом на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. Это означает долг и обязательство каждого государства действовать как в осуществление своей индивидуальной ответственности за жизнь и безопасность людей, так и во взаимодействии друг с другом, а также с ООН, ОБСЕ и другими региональными структурами, принимая адекватные меры, учитывающие особенности современного терроризма.

II. Бесчеловечность и изощренность посягательства на человека

Терроризм — это не просто тягчайшее посягательство на человека и человечность. Это такое лишение его жизни или свободы, которое совершается в условиях, когда человек не ожидает и не предвидит, что станет жертвой, и не в состоянии принять меры по своей защите или избежать посягательства. Объективно терроризм всегда связан с противоречащими совести, чести и достоинству человека вероломством и коварством, бесчеловечностью и по сути дела является изощренным изуверством, особенно, когда его жертвами становятся группы людей, а также дети, женщины, старики, больные. Террорист цинично пользуется тем, что в условиях отмены смертной казни в демократических государствах он имеет основание рассчитывать, при осуществлении над ним правосудия, на сохранение своей собственной жизни, посвящаемой им лишению жизни других. Терроризм — это грубое попрание прав человека и прежде всего его первейшего права на жизнь, попрание законности, правопорядка и демократии.

III. Многомерность опасных международных последствий

5. Даже нося изолированный или единичный характер, акт терроризма может привести к дестабилизации обстановки, что само по себе чревато опасностью для других людей и государства в целом, может стать ущербным для его отношений с другими государствами, угрожать его и их безопасности и территориальной целостности.

6. Когда акты терроризма прямо или косвенно затрагивают другие государ-

ства, их граждан или учреждения, а также те или иные международные структуры, они становятся посягательством на основы, на которых строятся межгосударственные отношения, функционирует международное сообщество, на цели и принципы международной жизни, воплощенные в Уставе ООН, на мирный и дружественный характер отношений между государствами. Террористические проявления могут привести к международным трениям и осложнениям, создать ситуацию, могущую угрожать миру, а то и привести к конфликту, а если акт терроризма прерывает политический процесс урегулирования, или порождает кризис особенно в межгосударственных отношениях, он по существу становится равносильным акту агрессии. Во взаимозависимом и взаимосвязанном мире с его возрастающей глобализацией основных жизнеобеспечивающих процессов трансграничные и международные последствия конкретных актов терроризма, особенно если они совершаются в организованном порядке, оказываются трудно предсказуемыми а, следовательно, мало поддающимися контролю. Терроризм, в каком бы отдаленном районе он ни совершался, пагубен для международного сообщества, для человечества в целом.

IV. Об определении терроризма

7. Наука, международная практика показывают, что попытки дать терроризму некую исчерпывающую и всеохватывающую дефиницию непродуктивны и только заводят проблему его искоренения в тупик. Возможно и необходимо однако дать, для целей применения настоящего Кодекса, характеристику понятия терроризма путем сочетания общей формулы, вскрывающей его сущность, и не исчерпывающего перечня наиболее типичных проявлений.

При этом понимании

8. Актом терроризма является любое насильственное посягательство, независимо от того, связано ли оно с использованием оружия или иных средств, причиняющее смерть или угрозу жизни людей, лишение человека свободы, или направленное на создание состояния террора, паники либо страха среди населения, общественных групп, либо у конкретного человека, особенно когда такого рода посягательство совершается с политической, идеологической, религиозной, национальной, этнической и иной подобной мотивацией, или объективно имеет деструктивные последствия в подобных сферах, либо направлено на то, чтобы вызвать международные осложнения или конфликт, породить национальную, этническую, религиозную и иную рознь, либо стремление к господству, а также к сепаратизму.

9. Соответственно любое из следующих действий, независимо от того, признается ли оно таковым национальным законодательством, будет квалифицироваться как террористический акт для целей применения настоящего Кодекса:

а) убийство, похищение или другие посягательства на жизнь, личность или свободу человека, в связи с выполнением ими официальных или социальных функций в сферах государственной или общественной жизни, а также на лиц, пользующихся международной защитой;

б) насильственное посягательство на учреждения, организации или помещения, где эти лица выполняют свои функции, а также на используемые ими транспортные средства и жилые помещения;

в) насильственное преднамеренное разрушение объектов и сооружений, заключающих в себе опасные силы, таких как ядерные электростанции, устройства и хранилища, плотины, дамбы, шлюзы;

г) применение взрывчатых, легковоспламеняющихся или иных повышенно опасных веществ либо устройств в местах скопления людей с целью вызвать жертвы, либо панику или иные опасные для жизни или здоровья последствия;

д) любые действия, предусмотренные в применимых международных соглашениях, в т. ч. в соглашениях, рассматриваемых в решениях ООН, МАГАТЭ, ИКАО как относящихся к сфере предотвращения и пресечения террористических посягательств.

10. В качестве актов терроризма Совет Безопасности ООН, для целей применения настоящего Кодекса, может квалифицировать и другие действия, если они повлекли за собой последствия, предусмотренные в пунктах 4-6.

V. Никаких оправданий

11. Никакие соображения, мотивы, причины, обстоятельства политического, экономического, идеологического, философского, национального, этнического, религиозного характера, ни ссылки на самоопределение или стремление к радикальным переменам, а также на мотивы личного характера, включая следование тем или иным идеалам, традициям или обычаям, ни намерение привлечь внимание к какому-либо положению дел, не могут служить оправданием для совершения актов терроризма и основанием освобождения от ответственности за них.

12. В случае выдвижения претензии на то, что акт, подпадающий под критерии, содержащиеся в пунктах 8-10 настоящего Кодекса, совершен в порядке антиколониальной борьбы против иностранного вмешательства и оккупации, и если спонсорами таких притязаний выступают не менее (трех-пяти) государств, вопрос об обоснованности таких притязаний разрешается Советом Безопасности ООН.

12а. Государства будут не допускать каких-либо попыток возвеличивания террористических посягательств или оказания почестей или иной глорификации их организаторов и исполнителей.

VI. Ответственность и взаимодействие в предотвращении

13. С целью предотвращения актов терроризма государства и их компетентные органы принимают все предусмотренные их законами и правилами меры, включая меры, направленные на пресечение приготовления к совершению преступлений.

14. С этой же целью они сотрудничают и взаимодействуют путем:

а) обмена достоверной и проверяемой информацией о становящихся им известными планах, намерениях и мерах, направленных на осуществление террористических посягательств в пределах и за пределами территории государства;

б) взаимного оказания правовой помощи в вопросах возбуждения уголовных дел в связи с деяниями, упомянутыми выше, и инициирования уголовного преследования причастных к ним лиц;

в) принятия и координирования административных и других соответствующих мер по предотвращению террористических посягательств.

14. Каждое государство обязуется принимать все меры, включая законодательные, административные и, если необходимо, принудительные для того, чтобы не допускать использования своей территории, включая водную и воздушную:

а) в качестве операционной базы для действий террористов и террористических групп против другого государства;

б) в качестве места их вербовки, сбора, обучения либо иной подготовки, лечения, а также укрытия от преследования властями государства, в пределах которого они совершают свою террористическую деятельность;

в) для транзита террористов и предназначенного для них оружия или снаряжения, а также создания баз снабжения.

15. Каждое государство обязуется не финансировать и не допускать финансирования ни прямо, ни косвенно, ни через каких бы то ни было посредников, включая частные структуры, террористическую деятельность кого бы то ни было: Оно обязуется не допускать, чтобы такого рода финансирование осуществлялось кем бы то ни было в пределах его юрисдикции, а также чтобы производился сбор средств и пожертвований, создание фондов, предназначенных для террористов, и т.п. финансовые операции.

16. Каждое государство обязуется принимать законодательные, административные и иные подходящие меры, чтобы не допустить "отмывания" денег, предназначенных для террористической деятельности или их получения за ее осуществление.

17. О попытках совершить действия, предусмотренные пунктах 14 и 16, государства будут незамедлительно информировать государства, которых эти действия могут касаться, а также Международного Координатора.

18. Если усилия по предотвращению террористического посягательства не приносят искомого результата, затронутое им государство индивидуально и/или во взаимодействии с другими будет принимать меры прежде всего по нейтрализации или сдерживанию посягательства.

19. Государства будут принимать меры по пресечению незаконного изготовления оружия, его незаконного ввоза или вывоза и иного обращения в стране и транспортировки в ее пределах и за пределы.

20. Государства обязуются отказываться в предоставлении политического или территориального убежища лицам, подозреваемым, разыскиваемым или преследуемым за террористическую деятельность. Такая деятельность не будет рассматриваться как преступление, носящее политический характер.

VII. Меры против террористических посягательств

а) уголовное преследование

21. Каждое государство обязуется установить свою юрисдикцию с целью уголовного преследования лиц, в отношении которых есть серьезные основания полагать, что они совершили, либо соучаствовали в совершении, подстрекали, выступали организаторами, либо иначе были причастны к совершению террористических посягательств, независимо от гражданства таких лиц и мест совершения этих деяний.

22. В отношении такого рода лиц государства будут руководствоваться принципом неотвратимости наказания виновных: либо подвергнут предполагаемого преступника судебному преследованию, либо выдать для этой цели другому государству (*out dedere out judicare*). Должны приниматься соответствующие меры к тому, чтобы террористические посягательства были наказуемы в судебном порядке так же строго, как и другие наиболее тяжкие преступления.

б) пресечение террористической деятельности организованных групп

23. В государствах, в которых это еще не сделано, компетентные власти примут надлежащие меры, включая законодательные для запрещения групп, организаций и других объединений, преследующих цели подготовки или осуществления террористических посягательств, в том числе на территориях других государств. В случае сопротивления роспуску или прекращению деятельности таких организаций, государство, в пределах которого это имеет место, вправе или обязано принять принудительные меры для подавления сопротивления, включая меры с применением, в случае крайней необходимости, оружия. В районах, из которых террористические группировки могут совершать свои действия против соседнего государства, такие принудительные меры могут осуществляться, по взаимной договоренности заинтересованных государств, совместно.

в) поведение властей и антитеррористических сил

24. Не упуская ни одной возможности воздействовать на террористов методом убеждения с целью не допустить фатального для жертв их посягательств исхода, власти государства вместе с тем будут делать все возможное для того, чтобы не идти ни на какие уступки шантажу со стороны террористов или договоренности с ними, если только речь не идет о прекращении предпринятого террористами посягательства.

25. В исключительных случаях государство, на территорию которого террористы будут выпущены в обмен на прекращение ими своей террористической акции и прибудут, примет меры к их изоляции и к их возвращению, порядок которого определяется по договоренности с выпустившим террористов государством, этому государству.

26. Потерпевшее государство — и в этом его следует поддерживать другим государствам — вправе предпринимать усилия, чтобы мобилизовать весь потен-

циал международного влияния в пользу благоприятного исхода ситуации, созданной террористическим посягательством.

г) подавление террористической деятельности, исходящей из районов территории государства, в отношении которых оно не в состоянии осуществлять свой контроль или утратило его

27. Если наступает такого рода состояние и государство не в состоянии или не желает его преодолеть, в то время как террористическая деятельность из районов, оказавшихся вне контроля этого государства, продолжает иметь место в отношении соседних или любых других государств, ответственность за ее пресечение берет на себя Совет Безопасности. Совет, действуя на основании Устава ООН, может уполномочить государство или группу государств на применение под его контролем принудительных мер, включая военные, для устранения сложившейся ситуации с целью не допустить ее перерастание в угрозу миру или нарушение мира по смыслу Устава. Применение такого рода мер не затрагивает политической независимости и территориальной целостности государства.

д) районы повышенной уязвимости для террористических проявлений

28. Ничто в настоящем Кодексе не препятствует государствам, находящимся в районах, перенасыщенных оружием массового поражения, имеющим широкую сеть химических производств, ядерных электростанций, заводов по изготовлению оружия, его складов других подобных объектов, принимать, в целях ограждения этих объектов от террористических посягательств, более жесткие, чем предусмотрено настоящим Кодексом, меры либо иначе адаптировать его применение.

е) наркотерроризм и другие “специализированные” виды терроризма

29. Государства будут выявлять и пресекать такие виды деятельности, которые объединяют террористов и наркодельцов, террористов и участников других видов организованной преступности.

Впредь до завершения разработки и вступления в силу конвенции по вопросам ядерного терроризма, положения настоящего Кодекса *mutatis mutandis* будут применяться к его предотвращению и пресечению. Это же самое применимо и к террористическим посягательствам, связанным с шантажированием со стороны террористов в отношении использования оказавшихся у них химических или биологических средств.

VIII. Заключительные положения

30. Ничто в настоящем Кодексе не должно рассматриваться как препятствующее выполнению государствами обязательств по тем международным договорам, конвенциям и соглашениям, о которых речь идет в пункте 9д. Настоящий Кодекс является подтверждением призывов соответствующих международных форумов к государствам, которые еще не сделали это, стать участниками каждой из таких конвенций.

31. По вопросам выполнения и применения настоящего Кодекса государства будут сотрудничать с Международным Координатором, как это предусмотрено в резолюции Совета Безопасности — (г.). По его запросу они будут представлять ему периодические и специальные доклады.

32. Генеральный секретарь ООН примет меры к максимально широкому распространению на рабочих языках ООН текста настоящего Кодекса. Государства примут меры к тому чтобы Кодекс был официально опубликован на их национальных языках и языках, входящих в их состав национальных и территориальных образований, и чтобы такая публикация получила должное распространение.